

Катарина Лебедева

Шесть дней до счастья

12+

Катарина Дмитриевна Лебедева

Шесть дней до счастья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43862813

SelfPub; 2019

Аннотация

Если ты тонешь, а вокруг никого, что будешь делать? Звать на помощь или пытаться спастись? Спасение утопающих дело рук самих утопающих. Найди того, кто тонет тоже, погрузитесь вместе на дно, а потом взлетите.

День 1

Утро было туманное. За окном ничего не было видно. Кроме веток сосны, которые упирались в самое стекло. Я проснулся с диким чувством голода.

Казалось, я не ел больше суток, хотя я точно помню, что поужинал плотно. Как всегда, видимо я снова лунатил. Не могу понять, как тело, находясь на расстоянии в триста восемьдесят четыре тысячи километров, может влиять на меня. Но факт остаётся фактом, пусть я и не особо верю в него. В последнее время я всё чаще брожу по ночам. Об этом свидетельствуют тёмные круги под глазами, и моя вечная усталость. Сначала меня останавливала закрытая входная дверь, но вскоре я начал оставлять грязные следы на паркете. И в этом нет ничего весёлого. Я посмотрел на фотографию, висящую справа на стене моей комнаты. Оттуда на меня глядели четверо. Мама – светловолосая, голубоглазая, с ямочками на щеках, папа – загорелый, темноволосый, зеленоглазый, и два мальчугана не похожие ни на одного из родителей, но как две капли воды похожие друг на друга.

Да-да, у меня был брат близнец. Почему был? Да потому что он пропал год назад. Почему я так спокойно об этом говорю? Потому что я не верю в его ... ну, вы поняли.

Может я чувствую. Говорят, же, что у близнецов связь там какая-то. Логично, мы же братья.

Утром семнадцатого августа он ушел на пробежку и не вернулся.

Первое время я ждал его на нашем месте. В любую погоду. Но простояв час под ледяным дождем или ветром, я возвращался домой мокрый, замерзший и никогда счастливый. Меня пытались гипнотизировать, но оказалось я не восприимчив к гипнозу, меня допрашивали детективы или как их там называют, и было ещё много всего, о чём мне не хочется вспоминать, ведь ничто из этого не вернуло мне брата.

Я до сих пор виню себя в том, что он исчез. Что если бы я не болел тогда, а, как обычно, вышел на пробежку вместе с ним? И он был бы сейчас дома, и мы как всегда спорили бы о том, куда пойти после занятий или из-за бесконечной путаницы, подшучивали в очередной раз над учителями и друзьями. Может, стоит винить грипп? А, впрочем, не важно. Но, именно тогда я начал ходить во сне. И теперь, когда моя жизнь разделилась на «до» и «после», мне тяжело вспоминать то время, когда я был целым и счастливым.

У меня долго получалось скрывать от родителей этот удручающий факт. (Долго, конечно, понятие относительное. Точный срок – два месяца.) Но я скрывал бы его ещё дольше, если бы не начал забредать настолько далеко от дома, что однажды утром проснулся под деревом и был вынужден идти босиком через лес, прилегающий к дому. Тогда-то мне не

удалось скрыться от маминых глаз. И масса новых анализов, докторов и прочих «доброжелателей», внедрилась в мою, и без того весёлую, жизнь.

Сегодня семнадцатое августа – прошёл ровно год. Год без него. Целый год. Всего лишь год?

Я сделал глубокий вдох и выдохнул так, как выдыхают люди, разочаровавшиеся в жизни. Может быть. Подобрал одеяло с пола, я заметил ещё одно напоминание о моих ночных похождениях. Мои руки были покрыты засохшей грязью, а под ногтями виднелся песок, странного белого цвета. Ноги были примерно в таком же состоянии. Медленно поднимаясь с постели, я чувствовал боль в мышцах, за год уже ставшую привычной. Я сделал последнее усилие, и, наконец, добрался до ванной. Душ был моим вечным спасителем. Я вообще его утром чаще принимаю, иначе смысла нет...

Я смывал эту ночь, и мог забыть о ней, до наступления следующей.

Горячие капли барабанили по телу, а я смотрел, как вода утекает в слив и уносит меня куда-то вместе с песком. Все мысли закрутились вокруг меня и испарились. Я снова остался один.

Лишь одиночество никогда не покидало меня, либо у него не было выбора, либо я его любимчик.

Пустота окружила меня, её не теснила вода, стекающая с моих плеч, она шептала свои насмешливые стишки, и зазывала к себе. Но куда ведёт пустота? И как возможно её суще-

ствование? Я боролся с ней мокрыми руками, но чувствовал, что это не равный бой.

И если снаружи была пустота, то внутри готовился ядерный взрыв и свинцовые стены удержат этот яд, но убьют всё живое. Сегодня было не самое лучшее моё утро. Одно из тех, когда я возвращался в свою любимую депрессивную кому. И всё потому, что мне надоело жить, не отвечая за своё тело.

Интересно, как далеко я могу зайти, и не будет ли это для меня однажды последней прогулкой?

Я выключил горячую воду. Обжигающая волна разошлась по коже. Холодно, да плевать, я хоть немного отвлекся. Когда твой мозг отвлекается на такие физические явления, как, например, холод, тебе ничего больше не остаётся, кроме как думать об этом явлении.

Я выключил второй кран и опёрся рукой о холодный кафель.

Пока с меня стекала вода, я понял, что с этим нужно что-то делать. Что именно, и с чем – с этим, я не имел понятия, но сейчас это было не главное. Мне нужно занять чем-то свою голову. Глупая луна. Как ты можешь, так поступать с людьми? Тебе наверняка плевать на мои скитанья под тобой или тебе даже нравится это? У тебя есть время подумать над своим поведением, пока я ищущу способ избавиться от тебя. Между тем, занятый мыслями о своём спасении или уничтожении, я совершенно забыл о голоде. Но после бодрящего душа, он врезался в мой живот с двойной силой.

На часах было девять. Я решил, что пострадать и поплакать в подушку, можно и после завтрака. Всё-таки я ещё жив, хоть и устал мертвецки.

Тогда, не долго думая, я высунул из душевой кабины одну ногу и поставил на резиновый коврик с таким же ворсом. Моя нога мгновенно покрылась мурашками и волосы по всему телу встали дыбом.

Брр. Я встряхнулся, и встал на коврик целиком, разбрызгивая воду по всей ванной. Мне на секунду показалось, что этот день всё же можно исправить, но только на секунду. Я сделал ещё один шаг с коврика на голый кафель, и кафельный узор стен, пролетел перед моими глазами, а полотенце, за которым я тянулся, пропало из виду. В глазах замелькали звезды, и я сомкнул веки в надежде на избавление.

Поскользнулся на воде, которую сам и разбрызгал. Прекрасно. Теперь-то некого винить.

Прошла пара секунд прежде чем я понял, насколько сильно стукнулся головой. С трудом поднявшись, я уставился в запотевшее зеркало, облокотился о раковину, и рукой, которой до этого держался за голову, протёр испарину. Вниз по стеклу побежали бледно-красные струйки воды, смешанные с кровью. Не только рука и зеркало побагровели, но и пол, в том месте, где приземлилась моя голова, и, собственно, моя

голова.

Решив сегодня не вытираться, я с презрением глядя на полотенце, выскочил в комнату, шлёпая мокрыми лапами по полу. Именно лапами, потому что лапу, сорок пятого размера, нельзя назвать «маленькой ножкой», да, и вообще ножкой. Решительно могу сказать, что ростом я пошёл в отца. Метр восемьдесят восемь сантиметров. При том, что папа на шесть сантиметров ниже меня. Вот такой я, какой есть, другим не стану. Потому падение с высоты собственного роста для меня – достаточно болезненно. А в остальном, я, как все семнадцати летние парни.

Русые, слегка кудрявые, волосы, глаза цвета болотной зелени, обычная причёска, точнее её обычное отсутствие – пряди раскиданы по макушке и скрывают уши почти всегда. Фигура? В этом я уж точно не разбираюсь. Я худее и выше, чем мои сверстники, не скажу, что бодибилдер, но моих мышц мне хватает чтобы сдавать зачет по физкультуре на отлично, и подрабатывать по выходным у одной милой бабульки, которая печёт отличные пироги.

Мне не то чтобы очень нравится с кем-то общаться, но деньги за работу в саду, на крыше, в подвале и т.д., она платит приличные, всегда было любопытно, откуда она их берёт, не из пенсии же.

Размышляя про старушкину пенсию, я уже одетый в то, что первое попало под руку, а попались мне черная футболка и шорты, спускался по лестнице. Выбрав первой целью

аптечку, я открыл шкафчик над микроволновкой, и достал оттуда заветную коробку. Сначала, с помощью ваты и йода, обеззаразил рану, а потом наклеил на волосы, бесполезный в моём случае, пластырь.

По ощущениям, рана небольшая, и к тому же, я умираю с голода.

Открыв холодильник, я заметил, ну, как заметил, записка стояла прямо на куске бекона, на таком жирном, копченом мясе, с прослойками сала. Можно пожарить яйца с луком и с... Так, стоп, записка! Я сглотнул слюну и прочёл надпись.

«Сынок, мы сегодня будем поздно, у нас дела в городе. Суп на плите, если хочешь, приготовь что-то сам. Мама»

Да, мило. Что тут скажешь? Как будто они обычно рано приходят? Минимум в семь, и с утра никогда их не вижу. Не представляю, во сколько нужно встать, чтобы быть на работе, до которой час езды, в восемь утра. Я с тоской поглядел на записку, скомкал её, кинул в мусорку, но промазал.

Из моей груди вырвался саркастический смешок. Чего ещё стоило ожидать после падения в ванной? Разве что катастрофы, которая затронет лишь меня.

Наконец, я пожарил четыре яйца с луком и беконом, и запив еду остывшим кофе из кофейника, поспешил смывать следы преступления за злосчастным полотенцем.

Мои родители любят меня, я знаю, но они закрылись в своей работе после семнадцатого августа прошлого года. Постепенно, они начали приходить позже, уезжать в командировки, и всё чаще я оставался один. Совершенно. Как сегодня. Может я виноват, ведь мне тоже пришлось отгородиться, чтобы пережить этот год. Есть один плюс, мы не свихнулись хоть и отделились друг от друга. Изображать, что всё хорошо – это не всё равно, что быть счастливыми, но такой расклад лучше, чем если бы мы сидели вечерами вместе и лили слёзы над старым альбом с фотографиями.

А так, мы продали старый дом вместе со всеми «ненужными» воспоминаниями, и для меня непонятно на какие деньги, купили новый, просторный, но неуютный, если честно. Мама, в свободное время, постоянно убирается и готовит, а папа, запирается в кабинете и «занимается важными делами».

Нет, я не пробирался в кабинет, не узнавал, что он там делает, и тем более, не спрашивал его об этом. Меня-то они тоже не спрашивают, чем я занят пока их нет, и зачем мне деньги. Почему так, я не знаю, но и разрушать хрупкое равновесие не планирую. Пока.

Я вытер зеркало насухо и оценил взглядом проделанную работу. Потом, раз уже начал уборку, прошелся по комнате и; протер подоконник, вытер пыль с книжного шкафа, поставил книги на место, сложил в стопку разбросанные по столу листы, собрал пролетевшие мимо мусорного ведра бумажки,

и замер глядя на ту самую фотографию в деревянной рамке.

И что дальше? Я просто вытру её от пыли и повешу на место? Или сяду на кровать и предамся обрывочным воспоминаниям счастья? Я выбрал третий вариант. Отвернулся и пошел прочь из комнаты, и так уже чистой. В конце концов это моя комната, хочу, вытираю единственную фотографию, висящую на стене, хочу, не вытираю. Хочу, ударяюсь головой о кафель, а хочу, иду на улицу и растворяюсь в тумане.

Нет, я не пошел на улицу, в первую очередь потому, что идти мне некуда, а ещё потому, что туман почти рассеялся и уйти эффектно не удастся. Хотя кого это интересует?

Я развалился на диване и уставился в панорамное окно, выходящее на смешанный лес.

Тот самый лес, в котором я, по-видимому, гуляю ночью. Опустив голову на подлокотник, я подскочил от резкой боли, а моя рука машинально потянулась к пластырю на голове. Вернув конечность в исходное положение, я обнаружил кровь на пальцах, в глазах у меня резко потемнело, и мир вокруг заплясал. Моё сознание меня покинуло, наступила тьма.

Вокруг нашего дома всегда было спокойно. Пара заброшенных дач, и та самая богачка-бабуля, у которой я подрабатываю. Богачка живет в доме, оставленном ей кем-то в наследство, по крайней мере, она так говорит. Дом этот сложен из красного кирпича – красивый и добротный, к нему

ведёт аллея молодых лип. Находится он в пятнадцати минутах ходьбы от моего домишки, одна сторона которого при-
мыкает к лесу, другая к болотистой поляне – оттуда и туман. Единственная дорога с одной стороны упирается в дом богачки, а поехав в противоположную, можно попасть в город, примерно через час, и оказаться у моря через четыре.

Всего-то. Четыре часа, и ты попадаешь в край песка, туманов и солёной пены. Но, не так уж всё и замечательно. Море это – ледяное в любое время года, и купаются в нем лишь отчаянные люди или туристы, заплатившие большие деньги за отдых, и желающие использовать своё положение по максимуму.

Мои родители при переезде решили, что лучше уж я буду бродить по лесу, чем по опасным городским улицам, потому мы и живем в таком отдалённом уголке. Здесь никогда ничего не происходит. Можно спокойно сходить с ума.

Я не сумасшедший, кажется. Но кто может об этом судить? Все мы на чем-то повернуты. Кто-то больше, кто-то меньше.

Каждый раз, когда я слышу слова; сумасшедший, сошел с ума, сумасшедший дом, меня охватывает дикое чувство одиночества. Они одиноки в своем мире, не могут найти того, кто смотрит на мир с их точки зрения. А мы...а мы думаем, что они больны, но это не так, они здоровее нас в разы. Это мы, а не они, не можем принять чужой мир, это мы, а не они, запираем людей в матрацные стены, потому как не

можем сосуществовать с ними, это мы изолированы от них, а не наоборот. И, кто сказал, что плохо быть психом? Явно не те, кого так называют. Они смирились с их положением, а мы не можем, потому что сами больны. Никто никогда не признается в том, что он свихнулся, такова человеческая натура. Вы же не станете отрицать, что современное общество полнится психами?

Эти люди, гуляющие на свободе, гораздо опаснее, чем те, что заперты.

Если раньше я и любил людей, в виде моего брата и семьи, то теперь разочарован в человечестве в целом. Повзрослел ли я, сошел ли с ума, не знаю, но теперь к некоторым вещам отношусь иначе.

Так я размышлял лёжа в отключке, на диване, и истекая кровью прямо на светлую обшивку под моей головой. Сначала я ничего не чувствовал. Как будто плавал в тумане слов и мыслей, связанных с сумасшедшими и не связных между собой. Потом я вспомнил, что лежу на диване в своей гостиной и... кажется, умираю. В голове зашумело, боль в затылке заставила меня открыть глаза, что я сделал с большим усилием, веки, будто налитые свинцом, а голова словно звонящий колокол, тянули назад в забытье.

Я уперся локтем в спинку, поднял голову и всё моё былое состояние, как рукой сняло. Прямо надо мной, склонившись, с мокрым полотенцем в руке, стояла девушка.

Я в эту секунду, а может и минуту или больше, перестал быть собой. У меня никогда не было проблем с противоположным полом, но сейчас... Сейчас я сидел без движения и молчаливо изучал незнакомку.

Я умер? А ты ангел? Странно, надеюсь это рай, потому что, только ангел может быть таким красивым, стоя посреди моей гостиной, – подумал я, но сказал другое:

–Кто ты? И что ты забыла у меня дома?

Девушка попятилась, но не от испуга.

–Знаешь, парни обычно не так реагируют на девушек, которые за ними ухаживают. Мог бы быть и повежливее, я можно сказать твой ангел хранитель, если бы не я, ты бы уже отправился к своему братцу, – произнесла незнакомка и скрестила руки на груди.

Я всматривался в её лицо, пытаюсь понять, что именно в ней заставляет меня терять дар речи, и не найдя для себя приемлемого ответа, решил, что головой я всё-таки ударился прилично.

Сам не знаю почему, но меня ни капли не задела её слова, сказанные с ноткой ненависти. Я вдруг посмотрел на это со стороны. Горечь, может ненадолго, но отступила.

Она же, поняв, что я не в состоянии соображать, повернула меня, взяв за плечи, и начала возить полотенцем по запекшейся на волосах крови. Пластырь скорее всего отвалился прохлада от смоченной водой тряпочки отозвалась болью

в ране, но я не подал виду.

Я и в правду подумал, что умер, но покосившись на спинку дивана, с расходящимся по обшивке здоровенным пятном крови, понял, что жив, но не очень здоров.

Расспросы в данный момент мне показались не уместными, и я переключился на окружающую обстановку.

Солнце светило уже под острым углом, я долго пролежал без сознания. На часах...

–Ты, думаешь о том, кто я, и зачем здесь? – заговорила она, всё ещё колдуя над раной, – меня попросили присмотреть за тобой.

Не угадала.

–Кто? Зачем? – перебил я.

–Твои родители, конечно, кто же ещё. Они поехали в командировку, разве не знаешь?

–В каком смысле – «в командировку». Нет, не знаю.

Я не слишком удивился. Сегодня сумасшедший день.

–Возможно, они решили, что лучше тебя поставить перед фактом. Не знаю, но пока что я буду за тобой присматривать.

Немного корректируем планы: слетать с катушек будем коллективно.

–А, кто ты моим родителям?

–В принципе – никто. Твои и мои папа и мама работают вместе, иногда общаются вне работы, и они решили, что я смогу побыть для тебя сиделкой, или, как говорит мой отец «подышать свежим воздухом». Так им будет спокойнее всё

время их пребывания, кстати, они не сказали, где. Сели вчетвером в машину и укатили. Якобы «в срочную командировку». У меня есть подозрение, что это не так.

Значит мы на одной стороне.

–Почему меня никто не спросил?!

Я уже начинал закипать.

–Я от этого тоже не в восторге, знаешь ли!

Боль молнией промчалась от головы к позвоночнику. Я вскрикнул:

–Ау! Больно!

–Извини, я не хотела.

–Ничего, всё нормально. Так ты остаёшься здесь? Надолго?

–Как только твоя семья вернётся, меня здесь не будет. Я могу спать в машине, если ты против моего присутствия.

Ты водишь машину? Сколько же тебе лет?

–С чего ты взяла, что я против твоего присутствия?

Я спиной почувствовал, как девушка улыбнулась.

–Я прижгу рану, потерпи.

На этот раз я был готов к боли, и к тому же я почувствовал легкий ветерок на затылке – она подула на рану.

–Спасибо, – сказал я, – ты и вправду спасла меня.

Она усмехнулась.

–Голова не кружится? Не тошнит?

Я повернулся к ней.

–Нет.

–Жить будешь. А кто тебя так?

–Полотенце. Я поскользнулся в ванной, – пришлось пояснить мне, так как её лицо вытянулось от непонимания, – потянулся за полотенцем и упал на кафель.

–Больно?

–Теперь нет. Я улыбнулся, потому что действительно почувствовал себя лучше.

–Ты не обижаешься из-за того, что я сказала про брата? Мне немного стыдно.

–Нет. Забудь.

Молчание, наступившее за этими словами, не было не ловким, по крайней мере для меня. Я вспомнил своё отражение в запотевшем зеркале этим утром, я вспомнил свои непослушные волосы, далёкие грустные глаза, с мешками под ними, острые скулы, смех, голос – я вспомнил Кристиана...

И мне стало легче. Впервые за долгое время, я почувствовал, что могу отпустить это. Давно никто не говорил со мной о брате прямо и без прикрас. Гора наконец рухнула с плеч.

–Как тебя говоришь, зовут?

–Тея. А ты – Натан? Так?

–Так.

–Есть хочешь?

–Хочу.

Только я это сказал, в животе жутко заурчало.

–Я что-нибудь приготовлю. Ты лучше побудь здесь, и по-

старайся не упасть в обморок.

Мне уже начинает это нравиться. Если родители позаботились о том, что я не умру от голода – таким образом, я во все на них не в обиде. Галатея хозяйничает у меня на кухне, а я сижу и наслаждаюсь этим новым чувством.

Но наслаждался я не долго.

В моей голове не кстати возник вопрос: Почему сегодня?

В году триста шестьдесят пять дней, и именно сегодня моя семья покинула меня без предупреждения, именно сегодня они отправили за мной присматривать Тею, именно в этот день я понял, что беспомощен и одинок. Почему ты выбрал семнадцатое августа? Что такого особенного в этом дне? Я должен понять.

За последний час мы обмолвились парой фраз типа:

«-Где душлаг?

-В шкафчике, справа над мойкой» и тому подобное.

С кухни уже начал доноситься манящий запах еды, и я попробовал встать с дивана. Мне удалось подняться на ноги, но когда я сделал шаг, моя голова закружилась так, что мне пришлось ухватиться за что-то. Точнее за кого-то. Это была Тея. Она схватила меня за руку и молча усадила назад на диван.

-Я принесу. Садись.

Она выскользнула из комнаты так быстро, что мне не удалось её поблагодарить.

Я бездумно уставился на кровавое пятно. Вскоре, на сто-

лике передо мной, материализовалась тарелка. Макароны и соус с фаршем. Не с мясом, а с фаршем. Мясом эту соевую мешанину называть нельзя.

Поднеся вилку к лицу я подул на неё и проглотил макарошку. Не поверив, я съел ещё одну и ещё. В итоге, проглотил, почти не жуя, всё содержимое тарелки. Вкусно! Это точно не рай?

Она ещё не закончила трапезу и увлеченно возила макароной по остаткам соуса на тарелке, не замечая меня. Я воспользовался шансом и осмотрел новую знакомую.

Её голубые глаза были сосредоточены, русые, с оттенком бронзы волосы, она убрала в хвост. В белом платье в цветочек, её действительно можно принять за ангела.

Тя подняла на меня глаза.

–Чай будешь?

–Да, спасибо. Ты очень вкусно готовишь!

Молодец! Ты сделал это. Так держать! Она улыбнулась.

–Я пью зелёный без сахара, а ты?

–И я.

Она вышла.

Я вообще не пью чай. Но мне думается, что я не в том положении, чтобы капризничать.

Она вернулась через несколько минут, за которые мои мысли так и не пришли к определённом направлению. Чашка приятно грела руки. Я вдыхал аромат зелёного чая без сахара, к которому не собирался притрагиваться.

—Скажи, как ты не умираешь от скуки в этой глуши?

—О, так лестно, об этом месте ещё никто не отзывался.

Кажется, я начал приходить в себя. Она рассмеялась, а потом спросила.

—И всё-таки, чем ты тут занимаешься?

Я задумался. Стоит ли раскрываться ей? Кто она такая, чтобы узнать то, о чем не знают даже мои родители? Но кто-то же должен? Будем решать проблемы по мере их поступления.

—Я читаю. Это занимает большую часть моего времени.

Правда лишь наполовину. Моё время занимает не только это.

—И всё? Я не верю.

А она не так уж и глупа. Но с чего я взял, что она может быть глупа?

—Давай определимся с тем, кто и где будет спать. Уже довольно поздно для бесед.

—Не хочешь, не говори.

—Я лягу здесь. Ты можешь спать в гостевой.

—Где взять бельё?

—Я принесу.

—Нет уж. Хотя бы до завтра, ты должен отдохнуть.

Знала бы ты, что я за ночь устаю сильнее, чем днём, если бы разгрузил вагон с цементом.

—Будь по-твоему. Там же, в гостевой комнате, ты найдёшь шкаф со всем необходимым.

–Я принесу тебе твоё одеяло и подушку.

–Не стоит. Я укурюсь пледом.

Плохая идея. Моя комната – моё царство. Тебе там делать нечего.

–Тогда, спокойной ночи.

–Спокойной.

Она унесла кружки, потушила свет во всех комнатах примерно через десять минут. Дом затих.

О чём человеку должно думать перед тем как заснуть? Точно не о том, о чём думал я. В мои мысли врываются обрывки дня. Вспышками, помимо того с чем я мирился год, перед глазами всплывал образ Теи, ванная в крови, моя рука, запачканная кровью, испорченный диван. Верить в реальность происходящего мне становится всё труднее.

Обычно, родители готовят меня за неделю, до того, как собираются куда-то уехать. Составляют меню, просят бабушку приехать из города, но, у неё в этот раз могут быть неотложные дела. Надеюсь на это. Что же мне предстоит в ближайшие дни? А я ведь решил побороть свой лунатизм. Стоит попросить помощи у Теи? Больше не у кого. Пожалуйста, пусть завтрашний день будет хорошим.

Я перестал пялиться в темноту и зажмурил глаза. На меня медленно опустилось невидимое одеяло сна.

День 2

Я не часто запоминаю, что мне снилось. Сегодняшний день не стал исключением. Я проснулся с головной болью, мой желудок сводило от запаха, доносящегося с кухни. Тея. Разлепив глаза и сбросив плед на пол, я встал с дивана.

Всю ночь я провёл тут же, тихо посапывая и пуская слюнку на диванную подушку. Доброе утро. Радостно потянувшись, я полетел на кухню, забыв про свой заспанный вид. Выспаться мне редко удается, но видимо мой организм слишком устал вчера.

–Проснулся. Я думала ты до обеда следующего дня спать будешь. Уже второй час.

Так вот почему я выспался!

–И тебе доброе утро.

–Как голова?

Точно, у меня же болит голова.

–Неплохо. Только болит.

–Ещё бы. Садись...эм...обедать, наверное.

Как мало человеку нужно для счастья. Вкусный обед и хорошо выспаться. Совсем другое дело. Так и жить можно, не то что существовать.

Пообедав в полной тишине, я поднялся в свою комнату и принял душ, стараясь не намочить голову. Переодевшись, снова спустился на кухню. Тея проделала то же самое, когда я спал. Теперь на ней было приталенное летнее платье гор-

чичного цвета, волосы собраны в косу. В воздухе повис вопрос:

–Что мы будем делать? – озвучила его Тея.

–Можно прогуляться до реки.

–Тут есть река?

–Да. Ты ведь знаешь, что все реки рано или поздно впадают в моря?

У дома мы наткнулись на машину, на которой приехала Тея. Сама вела машину. Совсем недавно получила права. Я сглотнул.

Мы пошли в сторону реки. Я выступал в роли экскурсовода. Галатея смеялась таким красивым девичьим смехом, каждый раз, когда я говорил:

–Если ты посмотришь на право, то увидишь знаменитое поваленное дерево. Здесь о нём ходят легенды. Говорят, его завалили маленькие великаны.

Просмеявшись, она спрашивала:

–Ты шутишь? Что за «маленькие великаны»?

–Нет, серьёзно. Понятия не имею. Так гласят легенды.

И она вновь смеялась над моими глупыми шутками. Так, не о чём особенно не думая, мы добрались до реки.

Нас встретил весёлый пенистый поток воды. Тут местами и бывает глубоко, но в основном мне по грудь. Но чего уж я не ожидал, так это того, что Тея прыгнет в воду, даже не раздеваясь. Её не было видно секунд двадцать, прежде чем я успел осознать всю серьёзность происходящего. Я скинул с

себя футболку и прыгнул в воду. Не так холодно, как я думал, но и не то чтобы тепло. Задержав дыхание ещё на суше, я сразу нырнул поглубже. Вынырнув ни с чем, я оторопел. Тея стояла передо мной, по плечи в воде.

—Я думала ты не прыгнешь.

—Ты... Ты думаешь головой?

—Да, не ногой же.

Бессмысленно. Она не поняла почему я разозлился или сделала вид, что не поняла. Я почувствовал, как от холода свело челюсть, а боль в затылке усилилась и посмотрел на свою спутницу, которая тоже по-видимому начала замерзать. Тогда я взял Тею, закинул себе на плечо, и вынес на берег, при этом она не сопротивлялась. Честно. Она вообще не произнесла ни слова. Небо ещё с утра затянуло свинцовым покрывалом. Дул прохладный, а для нас, искупавшихся, ледяной ветер. Обрато мы шли оба молчаливые, замёрзшие, а я ещё и злой.

Вывести меня из равновесия раньше мог только Крис. Теперь и она. Что делать? Вот это вопрос. Не представляю, чем любят заниматься девушки в свободное время. Поиграть в дартс? Погонять мяч перед домом? А что? Девочки не играют в мяч? Молчанка? Отличный вариант. Принято единогласно. Мы развесили мокрую одежду, переоделись, и перекусили бутербродами с сыром. И всё это, не произнеся ни единого слова. Допив вторую кружку горячего какао, я залез в свою постель и укрылся одеялом под самый подбородок.

Да уж, чувствую задаст жару мне эта девчонка. В дверь три раза постучали.

–Натан, я могу войти?

Я судорожно осмотрел комнату. Всё чисто. Ни разбросанных носков. Ни книг, открытых на любимых страницах. И улики лежат в тумбочке.

–Входи.

Тея вошла мягко закрыв за собой дверь. В руке у неё была кружка, а вокруг себя, в стиле Цезаря, она обмотала теплый плед. Я еле сдерживал улыбку.

–Вот. Выпей – голова пройдет. Я хочу извиниться. Не знаю, что на меня нашло.

Чужая душа – потёмки, а тем более душа молодой девушки.

–Кстати, я могу осмотреть рану?

–Да.

Я поставил кружку с терпким напитком на тумбочку, и развернулся к Тея спиной.

–В порядке.

Я лег обратно на подушку.

–А ты? Замёрзла? Поэтому так вырядилась?

–Да. Не смейся, пожалуйста. Мне очень удобно.

Глубже зарывшись под одеяло, так, что видна осталась лишь верхняя часть лица с глазами, я захихикал, трясаясь от смеха всем телом. Тея ударила меня в бок со всей силы. Высунув нос из-под одеяла, я передразнил её:

– Не больно.

И это была правда. Несмотря на то, что она очень сильная характером девушка, как всем девушкам, ей не достаёт физических сил.

Второй удар пришёлся по рёбрам. И это, как раз было больно.

– Эй! Хватит! Не буду я смеяться, не буду.

Довольно улыбнувшись, Тея начала разглядывать комнату. И её взгляд мгновенно упал на семейное фото. Я совсем не боялся, а даже ожидал вопроса вроде: «А кто из этих парней Крис?». Но она молча изучала снимок. Смотря на девушку с именем и в облачении греческих богов, я подумал:

К чёрту всё! Пусть всё, буквально всё, летит к чертям! Я хочу стать свободным. Надоело.

Богиня-Галлатея повернулась и сказала:

– Не обижаешься?

– На что? Я привык жить не в ладах со своим телом.

Улыбка на моём лице погасла.

– Ах, да.

Она села на краешек моей постели. В эти минуты молчания, мы оба поняли, что у каждого из нас в этой жизни случилось то, что оставило слишком глубокие, до сих пор не затянувшиеся, раны. Мы оба знали, что никто из вне не сумеет нам помочь, при всём желании. Но было ещё что-то, что мы не могли понять, как ни старались, а поняли совсем скоро, в будущем. Чувство, или вопрос, какая-то паутина, летающая

в воздухе, за которую мы ухватились оба, но не осознали, что произошло.

Мы посмотрели друг другу в глаза. Иногда слов не нужно, чтобы передать то, что чувствуешь. Они часто даже мешают. Эта немая беседа была не о чём и обо всём сразу. Кто кого утешал разобрать не возможно. Но то, как мы выглядели сейчас, было достойно страниц какого-нибудь романа. И это было не о любви к жизни, скорее наоборот. Вы должны ясно понимать, что на моей кровати сидели не парень с девушкой, здесь сидели два одиночества, которым только удалось это осмыслить.

И сейчас мне показалось, что я могу доверять ей всё. Откинув одеяло, я встал и подошёл к письменному столу.

–Ты была права. Я трачу время не только на чтение.

Тея молча смотрела на меня. После подобного откровения, я не сумею с ней расстаться. Рассказав свою тайну, я привяжу её к себе. Так я и сказал ей.

–Предупреждаю, что рассказав свою тайну, я привяжу тебя к себе.

–С чего ты взял, что я против этого?

Улыбаясь, я повернулся, выдвинул ящик стола и вытащил из него кучу бумаги с различными

фотографиями, таблицами, и прочими надписями. Бросив тяжёлую стопку на стол, я сказал:

–Вот она – моя тайна. На это я трачу всё своё свободное время. Тратил.

—Что это?

—Теперь слушай. Тебя ждёт моя история. Я не знаю почему решил рассказать именно тебе. Но ты будешь первой, кто это услышит. От начала и до сегодняшнего дня.

Ровно год назад, семнадцатого августа Крис пропал без вести. В первый день я подумал, что он нас разыгрывает. Это было бы в его духе. Но на утро, когда он не объявился, а мне стало стыдно от того, что родители провели ночь без сна, я сам начал поиски. Мы жили в небольшом городке, где все друг друга знали, и я расспросил тех людей, которые могли видеть Кристиана утром на привычном маршруте. К моему удивлению и разочарованию его не видел никто. Тогда я понял, что произошло что-то серьёзное. Полиция начала розыск уже на третий день. Нас всех допросили. Я ещё не оправившийся от гриппа из-за которого отменил пробежку, носился по городу, опрашивая каждого встречного. Ничего. Я не понимал, что заставило Криса бежать в другую сторону. А узнал я об этом только через месяц бесплодных поисков, которые я вёл параллельно следствию. Пришлось изрядно попотеть, чтобы раздобыть записи с камер наблюдения на заправке и магазине, но, как я сказал, в нашем городе все друг друга знали, а узнав о моей беде, стремились хоть как-нибудь помочь и утешить. И они помогли. Я узнал, что мой брат в этот день побежал в противоположную сторону. Каждое утро, в семь часов, мы выбегали вдвоём из дома в сторону парка и оббежав его, поворачивали назад. Единственное,

что могло нас остановить, это плохая погода или простуда. Поэтому с каждым новым фактом, которых у меня накопилась целая стопка, возникало всё больше вопросов. Так же мне было не понятно, зачем он на пробежку взял с собой рюкзак. Странностей в этой истории оказалось много. Допускать вариант похищения мы перестали, когда нам сообщили, что камеры на вокзале Криса тоже засняли. Ты представляешь, что тогда чувствовали мои родители. Дело закрыли совсем недавно, за неимением улик. Очередной «висяк», как выразился бы полицейский. Так показалось всем. Но не мне. Где-то в глубине души я понимал, что, если он ушёл по собственной воле, то его не стоит тревожить. Эти мысли рассеялись, когда я начал лунатить. Причину этого не понимают врачи, родители, друзья, но её понимаю я. Если бы он не был моим братом, я не знал бы, от чего он может бежать. Если бы я не был его братом, не ходил бы во сне. Скажешь – что за мистика? Но просыпаясь измождённый, грязный, по среди леса, я не могу думать по-другому. Мы провели девять месяцев в одной утробе, и как по-твоему, после этого у нас не осталось связи? Я продолжал держать всё в секрете от родителей даже, когда мне понадобились деньги. Мы переехали сюда, и я начал подрабатывать у местной бабули-богачки. Из города, в котором пропал Крис, я выжал всё, что мог. Там не осталось улик. Его вещи родители бросили в старом доме, я вывез их с первой же зарплаты, они лежат в коробках на чердаке. Маленький огонёк надежды, что он не сбежал от

нас, долго теплился в моей душе. И, наконец, ты спросишь, нашёл ли я его? Но я не знаю, как тебе ответить. Я несколько раз выходил на его след, буквально. Я писал владельцам маленьких магазинов в городах, похожих на наш. Делал это по какому-то наваждению. Но получив один раз ответ, за крупную сумму, я, можно сказать, внутренне погиб. Мне написал сын владельца лавки сладостей. Крис всегда был сладкоежкой, на этом и прокололся. Я отослал доброму парню своё фото, и он сказал, что видит Крису каждое воскресенье. Это произошло две недели назад. Последние две недели стали для меня адом. Я пару раз порывался сжечь эту кипу. Сегодня я выспался первый раз за эти недели. Я каждую ночь гулял под луной, понимая куда меня тянет. И от этого хотелось биться головой об стену, улететь со скалы. Я не понимаю почему. Это мучает меня. За что? Почему именно этот день. От чего или к чему он стремился? А самое главное, я не мог никому это сказать. Родители только пришли в себя. Я просто не могу. А держать внутри это больше нет сил. Какое взрослое решение я теперь должен принять?

Я выдохнул и в изнеможении сел рядом с Теей. Её лицо всё время моего рассказа было неподвижно. Тея положила свою руку на мою. Мы смотрели в окно. Я почувствовал, что готов заплакать. Зареветь, в истерике, как девчонка, бросаясь на подушку. Теперь вы наверняка скажете, что я тряпка, меланхолик, или псих. Но знаете, что? Вы не были на моём месте. Вы не чувствовали то, что чувствовал я. Вы не про-

сыпались одни, каждый раз в новом месте. Вы не жили, зная, что ваш брат вас бросил, и наслаждается где-то жизнью. У вас не было момента, когда внутри бушует ураган слов, которые ты не можешь сказать, как бы ни хотел. Одна слеза. За всё что я вытерпел, без чьей либо

помощи. Одна капля солёной воды. За брата, потерянных друзей. Одна горькая слезинка. Это всё,

что может позволить себе мужчина. Она застряла где-то по пути. Я не смог выдавить её из себя. Ком в горле и никакого облегчения.

Тея погладила меня по плечу.

–Знаешь, о чём я сейчас подумал? – сказал я с отчуждением глядя в пустоту.

–О чём?

–Что ты, действительно, мой ангел хранитель. И меня могло не быть в живых, если бы ни ты.

–Да, я ведь пошутила. Рана – пустяковая.

–Она не при чём. Мне кажется я не смог бы жить так дальше. Рано или поздно пришёл бы к мысли о самоубийстве, не знаю смог бы я или нет, но хотел. Люди устроены таким образом, что мысль, запущенная им в голову, рано или поздно прорастёт, и как сорняк уничтожит все другие, полезные мысли.

Тея сглотнула и опустила глаза. Я поставил локти на колени и пропустил волосы между пальцев. Прошла минута.

–Нат? – я повернул к ней голову, – я собиралась прыгнуть

с балкона.

–Что?

–Но меня отправили к тебе. Ты – мой ангел.

Мы помолчали. Это молчание я ощущал кожей, внутри всё перевернулось три раза, и только, когда встало на место я заговорил.

–Почему ты хотела сделать это?

–Мне очень тяжело говорить об этом.

–Не говори.

–Я скажу. Ты должен знать. И ещё должен знать, что мысль эту я лелеяла и не пыталась прогнать. Я думала, как-то жить с осознанием того, что завтра умрёшь. И откладывала решающий момент пять раз. Депрессия, апатия, они дополняли моё одиночество. Но то, что ты одинок объясняется отсутствием людей в радиусе пяти километров, а у моего одиночества нет оправдания. Друзья, семья, деньги, у меня есть всё, в чём нуждаются девушки моего возраста и даже больше. Но ничего из этого не приносит счастья. Я жила в равновесии и не понимала, что меня гложет одиночество, но произошло вот что:

Около года один парень из моей школы, не давал мне прохода. Отвешивал грязные комплименты при учителях, приглашал на вечеринки. Приставал. Я его игнорировала, и сказать честно, боялась. Это случилось месяц назад. Я не дошла до своего дома совсем чуть-чуть. Он выпрыгнул из-за угла и затащил меня в какой-то подъезд.

Она прервалась. Её душили слёзы. Теперь я положил свою руку на её. Она продолжила.

—Я не знаю, что он сделал бы со мной, если бы с верхних этажей не начал спускаться лифт. Этот... человек, продолжил меня терроризировать. Угрожал, что если я кому-нибудь расскажу, он пустит по школе слух, что я сама согласилась с ним...

—Тея, не надо, я всё понял.

Я всё понял и обнял её. Прижимая к себе, я гладил её по спине, и теперь-то стало ясно, о чём была наша безмолвная беседа.

Да, в нашем случае слёзы – не признак слабости. Признак жестокости этого мира, людей в нём. Людей безразличных к судьбам и чувствам других. И это в наше время нормально. Ведь, если взглянуть объективно, то на психов больше похожи мы, чем этот... человек.

Я уложил Тею на кровать, укрыл одеялом, а сам лег поверх одеяла рядом. Она изредка всхлипывала, но со временем, успокоившись, заснула. Я же, после такого, заснуть не мог. И снова этот вопрос: Что мы будем делать? Что делать со всем этим?

Я лежал, смотря на спящую Тею, и рассуждая над этим и другими вопросами, до самой темноты.

И, что вы думаете об этом теперь, зная больше, чем кто-либо на земле? Вы узнали меня настоящего. Я не даю вам

права судить и жалеть меня. Это мой крест, который я должен донести до конца, во что бы то ни стало. Моя история ещё не окончена. Она происходит сейчас. И вы станете свидетелями моего правильного или не правильного выбора. А может сегодня эта история и перестала принадлежать лишь мне? Тея, как и я стоит на перепутье. Но, что же всё-таки делать?

Смириться и двигаться дальше? Оставить всё как есть? Или разобраться с двумя мерзкими, на первый взгляд, историями? Отправиться в путь и встретиться с нашими демонами лицом к лицу?

Дать сражение.

И это было начало нашей жизни. Выбор – «лево» и «право».

Галатея потянулась, как котёнок и открыла глаза.

–Выспалась?

–Нет. Кто-то без устали бормотал под ухом. Не видел никого поблизости?

–Прошу прощения. Я не мог заснуть.

–Почему?

–Я думал о том...

–Что мы будем делать?

Я могу ничего не говорить, она озвучит мои мысли. И это странно. Неужели, мы настолько похожи?

–Это трудный вопрос, но представь, что бы сделал на тво-

ём месте Кристиан? Тот, прежний Крис, с которым ты дурачился, бегал по утрам, жил рядом в течение стольких счастливых лет?

–Ты давно не спишь?

Она улыбнулась.

–Да. И я разобрала часть того, о чём ты бормотал.

–Прежний Крис, – вздохнул я, – прежний Крис избил бы этого недочеловека до полусмерти.

Галатя закрыла лицо руками.

–Что? Ты не хочешь, чтобы я отомстил за тебя?

–Нет, хочу, но не скажу вслух никогда. Перестань улыбаться. Ты рассуждал о том, какое решение будет правильным, и я думаю, что должна была пойти в полицию.

–Заявить на него.

–Мне казалось, что он доберётся до меня, где бы я ни спряталась. Не знаю почему, но сейчас я понимаю, что это было глупо. Если ты хочешь отомстить за меня – поедем завтра со мной в город.

Я... напишу заявление.

Можем прогуляться, нам необходимо отвлечься.

–У меня есть идея получше. Как насчёт маленького путешествия. Возьмем еды, спальники, и уедем из этих краев на время отсутствия наших предков. Неделя?

–Да, кажется. Заедем в магазин, потому что у тебя в холодильнике вся еда скоропортящаяся.

При мыслях о путешествии мне сразу полегчало. Когда ты

бросаешь всё на самотёк и уезжаешь в закат, чувство свободы заполняет лёгкие, плохие мысли улетучиваются. Свободный человек – не может быть несчастным. Я так думаю.

–Поедем на море. Не обязательно плавать. Нам нужна цель.

Тея замялась, но сказала:

–А, ты не хотел бы увидеть его?

Этого я и боялся.

–Но хочет ли он видеть меня? Это правильный вопрос.

–Мне было бы плевать! Я заявила бы к нему, сказала всё, что думаю! И врезала ему промеж глаз, если бы мне не показались убедительными его объяснения.

Я наигранно отодвинулся от неё подальше. Она улыбнулась и сказала:

–Пойду собирать вещи.

Когда дверь за ней закрылась, я уставился в потолок, полежал немного, обдумывая свои действия и, открыв шкаф, зачихал в рюкзак всё, что, по-моему, могло пригодиться в путешествии. Спустившись в гараж, я отыскал топор, котелок с которым мы раньше выезжали на природу, достал спички из ящичка на кухне, и насыпал в пустой коробок соли. Подумавав ещё немного, я сходил в ванную и собрал шампунь, щётку, зубную пасту, туалетную бумагу в маленькую сумочку и тоже засунул в рюкзак. Сдёрнутое с сушилки полотенце, отправилось туда же. Спальники! В кладовке под лестницей, в маленькой коморке с запахом пыли и дерева, я нашёл то,

что искал, и не только. Выдернув спальные мешки из большого пакета на стеллаже, я уже собрался уходить, но заметил кое-что краем глаза и обернулся. Фотография моего брата лежала в дальнем уголке, запылённая. Я отодвинул опустевший пакет и достал снимок. Да, это он. Нас на самом деле, легко отличить друг от друга. Когда мы были маленькими, настолько маленькими, что слишком быстро передвигаться по земной поверхности нам было опасно, Кристиан неудачно упал, и рассёк бровь. Зашивать не пришлось, но на самой высокой точке брови у него остался едва заметный шрам. Я прекрасно

помню, как он плакал, а по его лицу текла струйка крови. Это воспоминание ярко врезалось в мою память. Плачущий Крис – явление редкое. Я мысленно улыбнулся.

Сомнение змеёй зашевелилось в моей груди. Взять с собой, но зачем? Я сдул с фотографии пыль. Откуда она здесь взялась? Видно мама с папой хотели забыть тебя меньше, чем мне казалось. Я глубоко вздохнул, и возвратил снимок на место.

Нарыв фонарик, и отыскав фотоаппарат я вышел на улицу, и уложил собранные вещи в багажник минивэна. Приятные хлопоты сбора в путешествие заняли меня до самой темноты.

Вечереет, – подумал я, стоя в гостиной над спинкой дивана с тряпкой в руке и глядя в окно. Пятновыводитель отлично постарался. Невозможно сказать, что тут ещё час назад

было кровавое пятно.

Я ухнул на диван и откинул голову на спинку. Этот день вымотал меня меньше, чем вчерашний. Почти не болит голова, и даже нет усталости.

Тея полдня провозилась с ужином. Но, хочу с уверенностью заявить, что это того стоило. Два здоровенных куска говядины, хорошо прожаренных, тушеных с овощами. Не знаю, где она научилась так готовить, но будь я судьёй поварского конкурса – не раздумывая вручил бы ей главный приз. За ужином, кстати говоря, было весело, потому что мы подтрунивали друг над другом. Двое недоделанных самоубийц, сидели над едой, и взахлёб обсуждали маршрут, предстоящую дорогу, и то, как на их отсутствие отреагируют родные. Почему же всё так сложилось? И, что же нас ждёт? Новый день покажет.

-И часто ты ТАК зависаешь?

-В каком смысле?

Я повернулся к Тее лицом. Её мокрые волосы разметались сосульками по простенькой длинной футболке на три размера больше её самой.

-Ты ходила в душ?

Зачем я спросил? Это ведь очевидно. Болван.

-Да, и в отличие от тебя, вышла оттуда целой и невредимой. Но не пытайся перевести тему.

Она улыбнулась.

—Я не «зависаю», а думаю.

—Хорошо, думай, я не запрещаю, но предупреждай в следующий раз, как соберёшься зависнуть или подумать, неважно. А то мне покажется, что ты успел заснуть и уже...

—Не продолжай. Постараюсь, как вам будет угодно, Богиня Галатея.

—Я же вроде просила не называть меня...

—Извини, перед этим трудно устоять. И кажется, ты единственная девушка на этой планете, которой не нравится, когда её называют Богиней.

Может мне показалось, что её щёки покрылись румянцем, но после моих слов она смягчилась.

—У меня назрел вопрос:

Что будет, если ты выйдешь во сне из машины?

—Не беспокойся об этом.

Она опустила глаза, постояла немного, не сводя взгляда со своих босых ног и тихо произнесла:

—Спокойной ночи.

—Ты хочешь спать? Но сейчас только девять.

—Вчера мы легли в это же время. И, я хотела одолжить у тебя книгу, чтобы почитать перед сном.

—Хочешь я тебе прочитаю?

Теперь я могу поклясться, что она покраснела. Тея-Тея.
Эх.

—Хочу.

–Ложись, я принесу книгу.

Я поднялся в свою комнату, и в раздумье застыл перед книжной полкой.

Толстой, Пушкин, Жюль Верн, Конан Дойл? Кинг? Брр. Нет. Я не знаю, что читают девчонки, особенно, такие, как Тея?

Я прикрыл глаза, провёл рукой по корочкам, и вытащил первую попавшуюся книгу. Сшитая тонкая стопка бумаги в обложке. Я достал то, что написал пару лет назад. Была у меня страсть к писательству, но пропала, после одного случая. Какого? Нет, этого я не поведаю, не ваше дело.

(В нём была замешана девушка.)

Спустившись, я обнаружил Тею, укрытую одеялом под самый подбородок.

–Как книга называется?

–Пока не знаю.

–Необычное название.

Ну-ну. Я ещё не придумал, но этот вариант мне нравится. Ради Бога, не спрашивай автора.

Я сел в кресло рядом с кроватью и укрыл ноги пледом. Комнату теплым светом предзакатного солнца, освещал светильник на высокой ножке, стоящий рядом со мной. Тея затаила дыхание. Казалось, что сверчки за окном, и те перестали стрекотать, чтобы послушать мой рассказ.

«Во всём многоэтажном доме было темно. Ночь в самом разгаре. И лишь одно окно пятого этажа горело тусклым огоньчком настольной лампы. Кот мурлыкал повторяющийся мотив, свернувшись комочком в ногах Киана. Его окно сегодня загорелось посреди ночи, и никак не могло заснуть. Ему приснился сон, довольно необычный и реалистичный. И воспоминания мучили его до самого утра. Солнце медленно, поднимаясь за серым небом, пришло и в его город. Он снова и снова прокручивал в голове всё, что ему приснилось.

«Он нежно погладил её по щеке и сцепил руки у неё за спиной.

–Даже, если я никогда не стану счастливым с тобой, даже, если весь мир будет ненавидеть меня за это, даже при условии, что нас разделят километры – я люблю тебя.

Он сказал это, и она рассыпалась в его руках, как песок, будто её и не было никогда»

Эта не та история, когда сон повторяется раз за разом, пытаясь о чём-то сказать. Киан видел её в первый раз в своей жизни, точнее в своём сне. Но, что удивительно, щурясь от света ослепительно-белого неба, и глядя на падающие пушинки снега, он вдруг понял, что влюбился в девушку из сна»»

Я глянул на Тею. Она заснула сложив обе руки под щеку. На цыпочках, я положил книгу на тумбочку, выключил свет, и лёг на свою кровать под тёплое одеяло.

Сон накрыл меня быстро, и я заснул с чувством удовлетворения в душе. Доволен я был не собой. Теей. Тем, что она заснула так быстро и сладко, тем, что она в безопасности и её не могут достать никакие «злые силы».

День 3

На утро я проснулся от стука в дверь. Не просто стука, Тея барабанила кулаками, по ни в чём не виноватой двери.

–Ты там живой? Слышишь меня? Открой дверь!

Я разлепил глаза, и в них ударило яркое полуденное солнце.

–Я жив, – пробурчал я, и вновь уткнулся в подушку.

–Я тебя битый час зову. Завтрак остыл, ты собираешься вставать?

Тишина.

–Если, ты через тридцать секунд не откроешь, я сама войду.

Она сдержала обещание. Не знаю, сколько прошло времени, но с меня почему-то сползло одеяло, и подушка куда-то исчезла.

–Встаю! – простонал я и открыл глаза.

Тея стояла надо мной с подносом в руках. Я встрепенулся.

–Да-да. Это твой завтрак. Возьми его скорее, пожалуйста.

И я жду тебя внизу.

Она подала мне поднос и вышла вон.

Омлет. Красиво нарезанные сосиски. Кусочек хлеба с маслом. Кружка кофе. Идеальный завтрак, покончив с которым я взглянул на часы, и понял, что солнце и впрямь полуденное. Пора ехать. Быстро умывшись, почистив зубы, я схватил поднос с кружкой, телефон и ринулся вниз по лестнице. Тея сидела на диване и читала книгу. Мою книгу.

– Почему на обложке нет названия, и автора?

– Не знаю. Спасибо за завтрак.

Она улыбнулась.

– Ты готова?

– Да.

Я прошёлся по дому; сполоснул за собой посуду, выключил воду, электричество, закрыл окна.

– А, твои вещи где?

– Уже в машине.

– Возьмёшь мой чемодан?

Тяжёлый. Неужели лак для ногтей и туфли придают тяжести женским сумкам? Или это такая проверка на мужественность?

Уложив чемодан в багажник и закрыв дом мы уселись в машину.

Она уверенно двинулась прочь отсюда. Как я её понимаю. Тут временами бывает безумно одиноко. Но вы это уже знаете.

Я пристегнулся и повернул голову, чтобы последний раз перед отъездом взглянуть на место, которое мы называем до-

мом. Он медленно уменьшался в размере, удалялся от меня, и с каждым метром мной сильнее овладевало странное чувство свободы. Неужели, существуют люди, живущие свободно всю жизнь? Ни разу таких не встречал. Надеюсь, вам повезло больше.

Мы выехали с грунтовой дороги на асфальт, и машина остановилась. Галлатея с улыбкой взглянула на меня.

–Садись за руль.

–Зачем?

Я не умею водить. Но проблема не в этом. Я боюсь руля.

–Ты не хочешь?

Нет!

Я пересел на место водителя и крепко схватился за руль.

–Ручник,-я подвинул рычаг, -медленно нажми на педаль, не убирая другой ноги с тормоза.

И мы поехали. Земля не перевернулась с ног на голову. Машина не взорвалась внезапно. И, слава Богу, я не врезался ни во что. Мои плечи были напряжены, глаза не отрывались от дороги. Солнце ярко освещало салон и неприятно слепило глаза. Тея открыла окно, и высунулась в него по грудь. Ветер заполнил всё вокруг. Я ехал не так уж и быстро, но её волосы летали у лица, светились каштаном, золотом, бронзой, и как волшебные искры, играли в них лучи солнца. Она была счастлива и беззаботна, как это солнце. Не видел в жизни ничего прекраснее. Я смотрел на неё всего секунд пять, но было такое чувство, что это длится целую вечность.

Вечность счастья, а? Каково?

Мы ехали, болтая о всяких мелочах. Постепенно, я расслабился, и мне понемногу начинало нравиться управлять машиной. Незаметно пролетели два часа разговоров, смеха, иногда, когда попадались встречные машины – страха. Тея села за руль у въезда в город. И мне не очень то и хочется распространяться о том, как прошла наша вылазка в полицейский участок. Сажу лишь, что Тея – была не уверена в своём решении, но я, постарался поддержать её, как умел. Покончив с этим, мы стоя у здания полиции, как мне кажется оба, почувствовали облегчение. Глоток чистого воздуха, новые силы, нет разницы, как это называется, но теперь ужасные идеи не придут в её голову. Я мечтаю, чтобы это было правдой. Возможно – это были всего лишь глупые убеждения, помутнения, и мы никогда не решились бы на это. Говорить – легко. Но всё-таки, теперь, мне тяжело допустить одну лишь мысль о том, что я не уберёг её, а она меня.

Мало кто знает, что значит по-настоящему глубоко задуматься.

Я в упор глядел на дешёвенький аквариум с серыми, почти прозрачными рыбами, а Тея бродила по маленькому уютному магазинчику, в поисках нужных вещей и продуктов. Меня занимали размышления о жизни. Одна рыбка застряла под камнями, в пластиковых водорослях. Другая, сво-

бодная, смотрела на неё то открывая, то закрывая рот. Они будто понимали, что до них нет никому дела, в этом искусственном, тесном и одиноком мире, и что кроме них самих им никто не помощник. Что за глупости говорят люди, как бездушное животное способно проявлять сострадание? Мы с тобой похожи, – подумал я. Пытался спасти того, кто не просил об этом. Или тебя просили? Мы точно, как эти рыбы, не видим ничего дальше своего аквариума. Ограничены чем-то и кем-то, боремся с ветряными мельницами, плывём по течению, или же кончаем с этим. Глупцы, безумцы, слепцы – люди, одним словом. И при том никто лучше этих рыб возможно и не понимает мир. Смеются над нами, сытые и ленивые. А мы думаем, что они наши питомцы, как бы ни так.

Тея окликнула меня. Расплатившись на кассе, я взял два пакета с покупками и отнёс в багажник. Мы сели, включили радио. Играла странно знакомая мелодия, я вслушивался в неё так внимательно, что не заметил, как она сменилась другой, а наша машина отъехала далеко за город, в сторону моря...

Я заснул. А, когда проснулся, солнце красноватым шаром висело над заливом. Через открытое окно до слуха долетали крики чаек. Я увидел Тею, стоящую у самой кромки воды, она в своём легком платье, сопротивлялась ветру, и как будто ждала, что волна обнимет её и заберёт с собой в море хаоса. Я открыл дверь, и сделал пару шагов в её сторону. Ме-

ня окутало облако солёного тёплого воздуха. Где-то над головой подала голос чайка. Галлатея обернулась и с улыбкой посмотрела на меня.

—Отличная идея, приехать к морю. Здесь нет никого, но ты не чувствуешь себя таким одиноким, каким бываешь в окружении множества людей. Спасибо.

—Тебе не за что меня благодарить. Мне тоже это было нужно.

—Не знаю, как ты, а я уже проголодалась. Разводи костёр, я начну готовить ужин.

Я достал всё необходимое из заранее приготовленного мешка и разжёг огонь.

Тея крутилась у раскладного стола на котором разложила ингредиенты для супа. Солнце медленно закатилось за линию горизонта одним боком. Закат на море – не обычный закат. В нём есть такое очарование, которое создаёт луна в полнолуние, заливая воду лунными дорожками. Я смотрел на солнце и вспоминал как был здесь в последний раз. То же море, тот же белёсый мелкий песок, те же чайки и звуки волн, бьющихся о скалы. Нам было по тринадцать, родители привезли нас в это сказочное место на летних каникулах. Мы не открыли ничего нового, подобным образом поступали многие семьи. Взять детей и спрятаться от мира. Это были мои самые счастливые пять дней в жизни. Мы купались, строили замки из песка, которые никто не собирался рушить, обследовали пещеры в скалах, кормили чаек. Одна-

жды закопали папу пока он спал, и даже фото на память сделали...

Память. Коварная штука, живёт своей волей, независимо от желаний хозяина – помнит. Я бы хотел забыть, что Крис существует или то, что он жив, но тогда я – уже не я.

–Ну, вот, опять!

–Тебе достаточно позвать по имени.

Я обернулся.

–Три раза, но ты не вышел из комы размышлений. Ужин готов.

Мы поели супа, он был неотразим, как всё, чего касается Тея. Мы сели у костра, ночь обступила всё вокруг, но нам было светло и тепло.

–Почитаешь?

Она протянула мою книгу. Не дело это, и почему я не придумал названия?

–Ложись поудобнее.

Мы залезли в спальники и устроились прямо на песке. С моря дул тёплый ветер, волны баюкали.

«Он сидел за столом и с увлечением рисовал чьё-то красивое лицо. За окном, перед ним, лил весенний дождь, была та самая часть весны, когда вокруг одна лишь слякоть. Он поднял глаза, проследил за каплей, стекающей по стеклу слишком быстро, и вновь опустил глаза на портрет девушки. Мыслями он был далеко отсюда. Где-то там, в той вселенной,

где жила она. И пока он не знал, что она существует, у него легко получалось перетерпеть эту любовь, и даже вдохновляться ею. Он мог просидеть так до вечера. Не замечая наступления ночи, утра. Забывая есть и пить. Словно его тело здесь, рисует мягкие скулы, пухлые губы, большие глаза, а он сам, живёт другую жизнь. И сейчас он продолжал бы сидеть не меняя положения, но в дверь неожиданно постучали. Он выронил карандаш, тот покатился по столу и глухо упал. Киан подошёл к двери и открыл, немедля. На пороге стояла девушка. Она, обхватив себя руками, промокшая до нитки, дрожала, по её одежде текла вода. В тонком белом платье, её кожа казалась ещё бледнее. Киан не ожидал чего-то подобного.

Он смотрел на неё, для мира миг, а для него целую вечность. Несомненно, это та самая незнакомка, недорисованный портрет которой он оставил на столе. Киан сделал шаг, и через секунду она обрушилась в его объятия и обмякла. Он кое как закрыл входную дверь и отнёс бездыханное тело в ванную. Вода текла на них максимально горячая, Киан обнимал девушку, грел своим теплом, как цветок замёрзший на морозе, хрупкий, слабый, но ещё живой. Она жива. Он чувствовал своей шеей, как бьётся кровь в её сонной артерии. Она жива. Уговаривал себя Киан, а вода стекала по ней, холодея с каждым сантиметром. Она жива. Заклинал он, и мечтал, чтобы всё это не оказалось сном, снова.

И то был не сон.

Он закрутил кран, отнёс её на постель и укутал полотенцами, по полу всюду разливалась вода. Она лежала, как фарфоровая кукла, белая и хрупкая, а на её щеках проступал лихорадочный румянец. Незнакомка резко вдохнула и открыла глаза.

– Не бойся, это я. Но, кто – я, – пронеслось в голове у Киана. Она и не боялась, только по её щекам текла вода. Солёная вода.

– Почему ты плачешь? Что с тобой стряслось?

Она молчала, а он гадал – это творит его фантазия и одиночество или же он сходит с ума, что вполне вероятно. Прошло около часа, хотя, кто знает, рядом с ней время совсем теряло привычные очертания, и всё остальное обретало смысл. Девушка изучала глазами потолок, её лихорадило. Киан принёс одеяло и горячий чай, она приняла их и села. Они встретились глазами, и он утонул в серо-голубых омутах. Стало трудно дышать, знакомка отхлебнула чай и всё смотрела на него, пристально, и глубоко.

– Как ты попала сюда?

Её руки перестали дрожать, она заговорила крутя кружку в руках и не сводя с него глаз.

– Я знаю тебя, Киан, мы уже встречались.

– Разве, что во снах.

– Меня зовут Вера.

Вера. Её зовут Вера.

Он затаил дыхание, и Вера начала свой рассказ. Она по-

ведала ему о том, как попала сюда. Вчера она проснулась в лесу, среди сухой прошлогодней листвы. Казалось, за её плечами целая жизнь, но Вера ничего не помнила. В её голове было только имя. Киан. Босиком, в тонком платье, она бежала сломя голову, ноги стёрлись в кровь, Киан заметил это, когда нёс девушку в спальню. Сегодня пол дня она брела под дождём, по холодной и мокрой земле, люди оборачивались ей в след. А ноги несли куда-то. Несли, несли, пока, наконец, Вера не пришла в себя у высотного здания. Внутри она стучала в каждую дверь, поднимаясь всё выше, потому что одна за другой перед ней открывались и тут же закрывались двери. И, когда силы почти покинули её, дверь отворилась и на пороге появился Киан. Ноги сдались. Вера почти на сто процентов была уверена, что это он.

– Может ты ангел.

Он не желал говорить это вслух. Но получил в ответ нежную и светлую улыбку. В комнате как будто потеплело.

– Я знаю, что моё имя – Вера, а твоё – Киан. Я не могу вспомнить тех, кто любил меня, не могу вспомнить кого я любила, понятия не имею, какие у меня таланты. И, что самое страшное я знать не знаю, что делать дальше.

Люди приходили в сознание совершенно без воспоминаний, в незнакомом месте, они не признавали родных, забывали имена, но она помнила. Киан множество раз слышал такие истории, читал о них, но, как и многие люди считал это больше исключением, чем правилом. И теперь такой при-

зрак без прошлого сидит перед ним попивая остывший чай.»

День 4

Знаете, несчастные люди говорят, что всё хорошее когда-нибудь заканчивается. И сегодня я пополнил их ряды. Открывшись, мои глаза упёрлись в небо, серое и недружелюбное оно смотрело на меня с насмешкой. Подул ветер и сон прошёл окончательно, если он вообще был. На попытку встать моё тело отозвалось болью в мышцах, голова гудела. Вокруг меня были одни лишь скалы, песок, да, море, и они не казались мне такими улыбающимися, как вчера. Покрутив головой в разные стороны, я побрёл на право, огибая огромный валун в водорослях. Для меня в подобной ситуации не было ничего удивительного, не стоило надеяться на милость ночного светила. Я шёл по мокрому песку, боль волнами разливалась по телу, ноги немели, на душе гулял ветер. Утро начинается не с кофе – это верно, оно начинается с определения собственного места нахождения. И с этим мы пока ещё не определились. Кто в силах сказать мне, как много я прошёл за ночь? Может ты? Я взглянул на дохлую медузу, прыгающую в прибое. Или ты? Я запрокинул голову, обращая неизвестно к кому. Где-то в этой вселенной должен быть тот, кто знает ответы. Иначе...

– Не знаю, что лучше, когда ты молчишь копаясь в себе или разговариваешь сам с собой по среди пустынного пляжа

с утра по раньше.

–Утро доброе.

Тея стояла недалеко от потухшего кострища укутавшись в плед. Никогда не понимал, зачем желать именно «доброго утра»? Что если оно не доброе, и бывает ли оно у кого-нибудь добрым? Почему нельзя пожелать просто «утра», если оно обычное или ты не хочешь придавать ему какую-то окраску.

–Доброе, ты уверен?

По её лицу я понял, как много она желает сказать, обвинить меня в том, что я лунатик, ударить за то, что я ушёл не предупредив, или ещё за что, но мы смотрели друг на друга понимая всю бессмысленность подобных рассуждений.

–Тебе холодно?

–Нет.

Мои до дрожи бесчувственные руки говорили об обратном. Я сам сейчас только заметил, как плохо выгляжу. Песок под ногтями, штаны порваны, руки и ноги изодраны в кровь – в целом, складывалось ощущение, что ночью я с закрытыми глазами пытался покорить Джомолунгму. Галлатея стянула с себя плед и укутала им несчастного покорителя гор. Мои плечи мгновенно расслабились от тепла шерсти. Она задрожала как тростинка на мокром солёном ветру. Я открыл шерстяные объятия, и Тея юркнула под крыло. Мы стояли обнявшись и смотрели вдаль бушующих волн, думали ни о чём и обо всём сразу. Рядом с ней я забыл о боли. И физиче-

ской, и душевной. И снова захотел послать всё к чёрту. Что со мной? Со стороны картина напоминала счастье во плоти. Но так ли это? Ещё три дня назад я не знал о существовании этой девушки, и со мной была лишь пустота и одиночество. А сегодня мне плевать, что я не помню свою ночь, что моё тело истощено, и погода испортилась.

—Едем отсюда, надвигается шторм.

Я сказал это и от правды, от факта в котором я уверен, в голове посвежело. Мы направились к машине собирать остатки лагеря. Мы. Приятно говорить «мы», «нас», двое лучше, чем один, осмысленнее. Собирается буря. Может и не на море. Внутри нас. Затишье сделало из меня мизантропа, а что сделает со мной буря? Куда приведут меня волны и ветер? Что сотворит с моей душой молния?

Я всегда философствую с утра, если проснулся не там, где засыпал. Мой мозг начинает судорожно заполнять опустевшее пространство памяти. Но сегодня я был рад, что это не изменилось. В глубине души я надеялся, что продолжу лунатить, потому что тогда я точно буду знать жив он или нет. Мне должно быть всё равно, он оставил семью, дом, друзей, но я продолжаю не верить собственным ушам, глазам и здравому смыслу – я чувствую что-то не ладится между ними и моим сердцем.

Когда мы уезжали из этой маленькой бухты с воспоминаниями ветер уже не сдерживал порывы. На трассе нас настиг дождь. Он хлестал так, что дворники не справлялись, впе-

реди на расстоянии вытянутой руки ничего не было видно. Здесь такое бывает раз-два за лето, и если уж придёт шторм, то с пляжа лучше бежать. На море моя семья ездит редко, но привычки здешней природы не знает разве что турист.

– Не безопасно ехать в слепую.

Она заёрзала и крепче схватилась за руль.

– И это говоришь мне ты?

Тея рассмеялась.

– Ты? Кто ты? Скажи, давай.

– Да, ты прав, лучше остановиться и переждать пока стихнет дождь.

Вода шумела заглушая наши голоса. Мир вокруг исчез за пеленой тяжёлых капель. Остались двое сидящие в машине посреди океана.

Она сказала, что не хотела меня обидеть, что смеялась не надо мной, а над собой. Она говорила и говорила, а я не слушал её, я слушал дождь. Разве может быть что-то более прекрасное, чем звук дождя? Её голос взывал к моим глубоким мыслям, но я не мог слушать то, что выходило из её уст. Я слушал песню дождя, сливающуюся с голосом в дивную композицию. Расцветали картины иных миров, в которых фантазии дают волю, и она берёт своё изображая высокие сосны с синим отливом, ледяные озёра из серебра и красивую девушку с голубыми глазами.

– Не слушаешь. Смотришь сквозь меня.

– Я слушаю.

Твой голос.

–Ты много думаешь и всегда не о том.

–О чём же думать?

–Не знаю. О девушках, машинах, спорте, но точно не о смерти.

–С чего ты взяла, что я думаю о смерти?

–У тебя было такое лицо будто ты её увидел.

–Если смерть – синие сосны и ты, то да. Я думаю о смерти прямо сейчас.

–Синие сосны? Серьёзно?

То есть второе тебя смущает меньше, чем синие сосны.

–Совершенно. Они настолько зелёные, что отливают синевой. И зеркала озёр. Чистых и холодных.

Ты на берегу. Почему? С каких пор она заполняет мои мысли?

–Прохладно стало, не замечаешь? Достану плед.

–Он в моём рюкзаке. Сверху лежит.

Тея залезла на заднее сидение, перевалилась через него и начала рыться в багажнике. Вдруг шуршание прекратилось. Она с пледом в руках вернулась на своё место.

–Нат?

–Что?

Тея протянула мне фотографию, которую я нашёл в кладовке. Да, вы угадали, я вернулся за ней. Чёрт меня дёрнул взять его с собой. Не собираюсь оправдываться, я сделал то, что сделал.

–Поедем к нему? Не верю, что ты не хочешь знать правду.

–Нет. И не будем об этом.

–Почему? Ты помог мне, я хочу помочь тебе.

–Может я не хочу, чтобы мне помогали! Как ты не понимаешь?!

–Но тебе ведь...

–Не лезь не в своё дело!

Мой крик заглушил дождь. Не ожидал, что получится так грубо. Я хотел избавиться от привычки бродить по ночам, хотел помощи от кого-нибудь, хотел избавления, но люди полны противоречий, и я не исключение. Не знаю, что меня с подвигло на такую реакцию – фото? То, что принять помощь означает признаться в своей слабости. То, что мне предлагает помощь именно Тея? То, что она жалеет меня, но так ли это плохо, и может причина не в том, что я жалок, а в том, что она...

–Я понимаю. Дурак ты.

И с этими словами она бросила плед и вышла в дождь. В моих ушах зазвенело от тишины. Звуки воды и те куда-то пропали. Она права, я дурак. Почему до сих пор не побежал за ней? Там ветер, ледяной дождь, и маленькая глупая Тея.

Тея. Тея! Я кричал, пытаюсь прорваться сквозь стену. Бессмысленно. Я бегал по всем направлениям от машины. Потом повернулся к обочине и мои ноги сами понесли меня вперёд. Она сидела под деревом с раскидистой кроной, дрожала хватая себя за плечи и плакала. Определённо плакала,

из-за меня. Как теперь просить прощения? Никогда не извинялся перед девчонкой.

Я опустил перед ней на колени, сам почему-то не ощущал холода, но Тея вся посинела, как эти чёртовы сосны.

–Прости. Прости. Прости. Я дурак. Я идиот. Ты самая добрая, красивая и мудрая из всех, кого я встречал. И больше я никогда в жизни себе такого не позволю. Едем с тобой куда захочешь, хоть на край света, хоть на солнце, лишь бы ты не плакала. Пожалуйста.

Неплохо для первого раза.

–Натан, ты идиот.

Она встала с травы слегка вздрагивая. Волосы липли к лицу, голубое платье промокло насквозь и неприлично облегло тело. Её голубые глаза смотрели на меня без злости, но было что-то ещё...

–Ты идиот, – повторила она и обняла меня за шею. Я оторопел, но всё-таки обвил руками её талию. Холодная, такая холодная. Я прижал Тею сильнее в надежде согреть хоть немного, но она подняла голову и посмотрела мне в глаза – слишком пристально.

–Что ты делаешь со мной?

Наши губы встретились, я почему-то думал, что она начнёт вырываться или ударит меня, это было бы в её духе. Но она ответила на поцелуй. Он был мокрым, холодным, но нежным. Я погладил Тею по щеке и осторожно отстранился. Дождь стихал постепенно. Вода не заполняла лёгкие и я

мог чувствовать запах озона. Я взял её на руки и понёс к машине, и это было совсем не так, как тогда, когда я вытащил её на плече из ледяного ручья. Она обняла меня и положила голову мне на грудь, мы не могли смотреть друг другу в глаза. Теперь всё было по-другому. Удивительно, как лёгкое прикосновение губ может в одночасье перевернуть два мира. «Что ты делаешь со мной?» Чей это был вопрос? Уже не имеет значения.

Мы забрались на задние сиденья, я снял футболку и отвернулся, пока Тея переодевалась в сухое платье. Потом взял её в охапку, и мы укрылись пледом. Её кожа начала теплеть. И не отливала уже синевой.

– Не хочешь футболку одеть?

– Тебя что-то смущает?

– Нет.

Залилась румянцем.

– Да. Зачем врать? Я прекрасен, разве нет?

Её смех согрел моё сердце. Я не надел футболку потому что Тея совсем не думает о себе, недолго подхватить воспаление лёгких. Я грел её своим теплом, и следил за пульсом держа за запястье.

– Я надеюсь, что не переборщил с извинениями.

– О, нет, в самый раз. Почаще бы так извинялся.

– И ты простила меня?

Улыбаясь, она сосредоточенно теребила бахрому покрывала.

– Не делай так пожалуйста больше.

– Как?

– Не гуляй под ледяным дождём без зонта или тёплого спутника.

– Обещаю, без тебя – никогда.

– «Никогда» хорошее слово.

Человек использует его в случае, когда уверен, что не сделает что-то или не делал ни разу, совсем. Полное отрицание. Я никогда не пил водки. Я никогда не говорил, что никогда не сделаю что-то. Возможно поэтому моя первая любовь была неудачной. Я не клялся в ней, не кидал громких слов «никогда», я отдавался чувству и человеку и мне было не до демагогий. Я никогда не любил так, как люблю Тею. Наверное, громкие слова часть громкой любви, но я из тех, кто сначала делает, а затем говорит. Я для начала сделаю её самой счастливой девушкой на земле, а потом скажу, что никого никогда так не любил. Или я скажу, что никого никогда не любил так сильно, и она станет самой счастливой девушкой на земле. А теперь я желаю клясться во всём чего она пожелает. К чему эти слова? Так говорит тот, кто никогда по-настоящему не любил. Клянись, если это правда. Клянись, если любовь переполняет вас. Клянись, потому что любовь чувство, которое требует не только дела. Обойтись без подвигов можно, без правды слов – никогда. Если ты хотя бы один раз не скажешь «Я люблю тебя» – это не будет правдой, так устроен человек, он переспросит то, что написано на листке, он

не поверит, если ты воздвигнешь для него надпись с признанием из камня, но если ты скажешь – он будет верить всю жизнь. Сила слова – сила любви.

Когда любишь – крик с признанием сам рвётся из груди, разве нет? Мы делаем, чтобы доказать любовь, а говорим, чтобы рассказать о ней. Рассказать всему миру. Эй, я люблю её, небо! Эй, солнце, ты представляешь, я люблю её! Я люблю её! И это неправда, что повторение слова убивает в нём смысл. Любовь повторение только укрепляет. Сколько людей клялись за время существования человечества и любовь остаётся любовью. Аксиома, которую произносят каждую секунду, и которая никогда не исчезнет.

«Никогда» – хорошее слово.

Неужели всё так и происходит?

–Мы будем весь день здесь сидеть?

Она спрашивала меня, рисуя узоры на запотевшем стекле.

–Куда спешить? У тебя планы на вечер? Я сегодня совершенно свободен.

–Может быть. У Чеширского Кота и того улыбка уже, чего ты?

–Я подумал, что обсудить предмет нашей ссоры стоит повторно. И я буду сговорчивее.

Тея сверлила меня серьёзными глазами.

–Понимаю, что тебе тяжело, понимаю, что есть риск потерять его снова, но он твой брат и ты имеешь право знать правду.

–Веский аргумент. Я соглашусь на любые условия, если ты будешь рядом со мной.

–Я с тобой.

Вам хотя бы раз в жизни говорили подобное? Я с тобой, я никуда без тебя – никогда. Если – да, то вы умрёте счастливым человеком.

Теперь мы знали, что будем делать. Буре конец. Природа отчистилась, всё вокруг сверкает от солнца, всё радуется переменам. Куда делась эта буря? Что с нами стало?

Вопросы без ответов преследуют людей даже в самые счастливы мгновенья. И сейчас они маячили где-то на задворках подсознания, и не давали возможности по-настоящему двигаться дальше. Но есть любовь. Говорят, пьяному море по колено, с влюблёнными так же. И несмотря на мою влюблённость, я не потерял способности мыслить здраво, и понимаю, что любовь решает не все проблемы жизни. Она сглаживает их, отворачивает от них наше внимание, даёт сил, но не избавляет. Поблагодарим любовь уже за то, что мы не сходим с ума и не истощены морально. «Мы» появились сегодня, и «мы» справимся.

–Едем!

Выкрикнул я и переполз на переднее сиденье.

–Куда едем?

Проговорила Тея садясь за руль.

–Навстречу прошлому.

И мы тронули на randevу с моим призраком. Я раскла-

дывал карту и показывал Тее дорогу, пока было легко, но я понимал, что когда придёт осознание, будет не до смеха. Я знал, что этот момент настанет, и в глубине души даже желал его приближения, но страх за последствия этой встречи колот мне сердце всё время. Мне не верилось, что вопрос над которым я ломал голову последние недели в один момент прояснится. Мне не верилось, что всё закончится легко.

Мы ехали часов семь без остановок. Я уже не чувствовал своё тело ниже пояса. Было решено остановиться и отдохнуть. Мы завернули на поляну у дороги, поужинали, и для удобства разложили задние сиденья минивэна.

Уснуть мне удалось не сразу. Каких-то пять часов пути, и я узнаю, что стало причиной моих мучений, моего недосыпа и стенаний. Учёные доказали, что слишком много думать вредно. Может оттого я такой странный. Но я не способен понять людей, которые засыпают сразу же как ложатся. А как же анализирование ярких событий дня, как же планирование завтрашнего, как же образы любимых людей, их имена и лица в голове, чтобы не свихнуться, чтобы остались в сердце они, а не печаль и пустота? Когда-то пустота, наконец, уступит место счастью, нам остаётся лишь надеяться, что это произойдёт скорее, чем наступит утро следующего дня.

День 5

Многие любят просыпаться под пение птиц, открывать глаза и щуриться от солнца. Почему бы как все, не насладит-

ся свежестью утра? Да потому, что я засыпал в тёплой машине, под крышей из пластика и металла, а проснулся под открытым небом у дороги. Я повернул голову, на длинной травине восседала ярко-зелёная гусеница и жевала ту же травинку. Рубила, так сказать, сук на котором сидела. Впрочем, так поступают многие люди, и при этом ставят себя на высшую ступень развития. Опять начинается? – скажите вы, и добавьте, – Что с тобой не так? Сам не понимаю, честное слово. Со стороны вам может показаться, что проспаться таким образом весело. Но ребята, у меня порой возникает чувство, что меня похитили, накачали наркотиками, пришили и привезли в лес. И на небо уже смотрю не я, Натан, а мой несчастный бесчувственный призрак.

Из этого делаем вывод: утро добрым не бывает.

–Я смотрю ты успел с местной фауной подружиться.

Тея подъехала высунувшись из окна и ухмыляясь.

–Ты о чём?

Спросил я и тут же понял, у меня на груди сидела лягушка. Я аккуратно переставил её на землю и встал. Чёрные самолёты закружились перед глазами, но я устоял и медленно побрёл до машины. Мы позавтракали печеньем и чаем заготовленным с вечера. В дороге, как я и рассчитывал, мы провели почти пять часов. В городе я и Тея пообедали в кафе. Я узнал, что она не любит есть то, что не приготовила сама, но кое-что Тея всё-таки съела и перекусив, мы сидели обсуждая план дальнейших действий. Всё было хорошо. Пока я не

увидел его.

Кристиан проходил мимо кафешки, где мы сидели. Секунды три я не двигался, а затем рванул с места как ума лишённый. Галлатея схватила меня за руку, и я сверкнул в её сторону злым затуманенным взглядом.

—Что? Ты же сама этого хотела?

—Я должна признаться.

—Сейчас?

Я грустно взглянул в панорамное окно и сел. Момент упущен.

—Да, сейчас.

—Говори.

Прошептал я на выдохе.

—Я солгала тебе.

—Не понимаю, что ты имеешь в виду?

Я всё ещё думал о Крисе.

—Родители не отправляли меня к тебе. Они не уезжали в командировку. Они поехали искать Кристиана. Дело в том, что его видели новые жильцы вашего старого дома, понимаешь, он вернулся домой и не нашёл никого. Твоя семья узнала, что ты его ищешь. Как-то твоя мама зашла к тебе в комнату, чтобы положить в шкаф чистые вещи, и увидела на столе листок с адресом. Из твоего рассказа я поняла, что ты записал название городка, улицу, и магазин, где Крис покупает сладкое. Она сначала не придавала этому значение, но листок с кривой надписью никак не выходил у неё из головы. Ты сам

догадываешься, что произошло дальше: поиски, знакомства в городе, и вскоре им сообщили, что Крис и вправду здесь. Без объяснения причин они ринулись сюда вместе со своими друзьями, то есть моими мамой и папой. А меня так разозлило, то, что они тебе не рассказали, что я сбежала к тебе, как только они скрылись за поворотом, в прямом смысле. И я заявляюсь к тебе, стучу, звоню, никто не открывает, но я точно знаю, что ты дома. Тогда решаю зайти и нахожу тебя в отключке, истекающего кровью, на диване. Когда ты открыл глаза и нагрубил мне, я сказала первое, что пришло в голову, просто потому, что нужные слова испарились. В общем, я влюбилась, и мне совсем не хотелось тебя огорчать. Я начала намекать, чтобы ты сам дошёл до мысли приехать сюда, казнила себя за ложь, но не нашла сил сказать правду.

Её голос дрожал, но она не плакала, лишь бессильно опустила голову на грудь.

«Я солгала тебе» Слова эхом звенели в отголоске её речи. Но главное здесь не в этом – брат хотел вернуться домой, родители знали о моём расследовании, Тея любит меня.

Что ж, оказалось, идеальных людей не бывает.

–Теперь ты меня возненавидишь.

Тея вжалась в несчастное пластиковое кресло, и я видел, как ей больно, но не мог вымолвить и слова. Нет, я её не ненавидел, не мог. Во мне кипел котёл мыслей, нервы напоминали раскалённые струны, сердце учащённо билось.

Я схватил лгунью за руку и вывел на парковку. Молча. И

обнял её сильно, прижал к себе и гладил по голове, шептал, потому что больше не мог терпеть. И смысла в этом уже не было.

–Я люблю тебя. Люблю. И не важно в этом мире больше ничего. Пусть летит в пропасть эта чокнутая семья, пусть взорвётся на мелкие куски эта предательская луна. В конце концов моей жизнью я волен распоряжаться сам, что и делаю сейчас. Мы пытались уберечь друг друга от боли, а вышло ещё больнее. Так может поддаться течению и судьбе, и если я должен был пережить такое, чтобы встретить тебя, чтобы понять, что на самом деле важно, пусть будет так, я пережил бы это снова ради одного твоего поцелуя.

Она беззвучно рыдала у меня на плече, а я крепко держал её в своих объятиях. Жизнь полна драмы. Драма полна жизни. И я в который раз убеждаюсь в том, что человека от животных отличает именно умение страдать красиво. Поплачем об умерших нас. Вы прекрасно понимаете, что человек на утро уже не тот, что засыпал вчера. Пострадаем об ушедших в небытие людях, которые кого-то любили, ненавидели, прощали, и которые вчера погибли в нас, чтобы дать нам сегодняшним жизнь.

Неизвестно сколько мы стояли не шевелясь, но я вдруг почувствовал, что она перестала плакать, и взяв её мокрое лицо в ладони, поцеловал со всей возможной теплотой и любо-

вью. Её щёки и шея были невозможно горячими, наши приключения под дождём закончились плохо.

—У тебя жар. Хватит с нас путешествий и слёз. Едем домой.

Мы заскочили в аптеку за жаропонижающим и без лишних разговоров отправились в дорогу. Я сел за руль, Тея спала очень долго. Проведя в дороге много больше десяти часов, в два ночи мы прибыли домой. Я перенёс её спящую на кровать, по пути в темноте спотыкаясь. У неё снова поднялась температура. Ночь будет весёлой.

Мокрая повязка на лоб, обтирания уксусом с водой, горячее питьё, что я только не попробовал, но полегчало ей лишь к утру. Она сама наказала себя за ложь. И больно сейчас ей, и страдает она, но почему-то мне безумно жаль, что так вышло. Знаете, бывают моменты, когда от боли хочется закурить. Моя проблема в том, что нет сигареты, и в том, что я не курю.

День 6

Любому кошмару рано или поздно приходит конец. И страшная ночь закончилась, тени отступили и свет наполнил дом и наши души. Я не спал, а, следовательно, себя контролировал. Галлатея проснулась и попросила воды. Мы долго молчали, и вскоре я понял, что первые слова за мной.

—Как ты себя чувствуешь?

—Лучше, спасибо.

Я взял её за руку.

–Давай договоримся, что ты не будешь себя ненавидеть, пожалуйста, пообещай.

–Хорошо. Я обещаю.

Я поцеловал её запястье и направился готовить завтрак. После утреннего приёма пищи последовал обед, а затем и ужин. Всё бы хорошо, Тея к вечеру встала и сходила в душ, но...Ох уж это несчастное «но», скольких людей оно погубило. Так вот «но» – приехали родители. То, что происходило дальше – было похоже на кошмар. Семья Теи и моя семья в полном составе – это пострашнее «Фокусимы», как оказалось. Они зашли в дом о чём-то громко споря. Они явно были в плохом расположении духа. Меня это насторожило. Чутьё не подвело. Толпа из родителей раздвинулась и в проёме появился он. Я никогда не забуду, как он подошёл ко мне со слезами радости на глазах, а я...я врезал ему по правому глазу со всей силы. Сам не понимаю, как так вышло, но в следующую секунду Крис лежал на полу, а вся родня столпилась над ним. Кто-то побежал на кухню за льдом, кто-то кричал злые слова в мою сторону, а кто-то тихонько взял меня за плечи и отвёл на диван. Тея. У всех остальных заботы другие, а она гладила меня по спине и шептала успокаивающие слова. На удивление – я ничего не чувствовал. Ни боли, ни радости, ни обиды. Я всё время думал, что скажу если Кристиан вернётся, что буду чувствовать, когда половина меня вернётся на место. И теперь сижу, ничего не слышу и не по-

нимаю, и не уверен, что хочу знать его историю. Оправдания – всегда оправдания. Что-то неприятное для обеих сторон, что-то, что всё равно не помогает смягчить боль. И всё, что Крис рассказал после того, как очнулся – не помогло. Стало очень стыдно, что я не замечал проблем Криса, когда они были, а только всегда погружал его в свои. Он терпел и любящим сердцем, наверное, думал, что я слишком слаб, чтобы понять их и вынести.

Шум угомонился и пришло время выслушать, понять, разобраться – куда потрачен год жизни. Все уселись в кресла и на диван. Брат заговорил.

-Помните я подружился с парнем из нашей школы. Зависал у него постоянно, мы ходили вместе в школу, делали домашние задания и лабораторные работы. Как ни странно, звучит сейчас, тогда вы решили, что с моей ориентацией не всё в порядке и запретили мне с ним общаться. Я закатил скандал и сказал, что это моя жизнь и в ней я делаю, что хочу, и люблю кого хочу. Но я говорил не о нём. Я думал, что хочу дружить с ним и поэтому меня тянет к нему домой как магнитом, но вскоре понял, что причина в его сестре Анжелике. Я влюбился и хотя мне нравилось общаться с Александром, тянуло меня к ней, а не к нему. И когда в связи с переводом отца по военной службе они переехали, я не знал, что и делать. Через два дня бессонницы я собрал вещи и сбежал. Мне не хватало Анжелики физически. И вот я появляюсь у

Александра на пороге. Мы рады, обнимаемся, и он спрашивает меня, что я тут делаю. Пришлось признаться в своей любви к его сестре, я думал он решит я сумасшедший, но тот лишь загадочно улыбнулся и вышел из комнаты. Вернулся он уже с Анжеликой, она бросилась на меня и обняла так, как никто ещё меня не обнимал. Оказалось, она меня любит, и призналась только брату. А я и этого не удосужился сделать. Я как с катушек слетел, у меня в голове было только люблю, люблю, люблю. Думал никто не поймёт. Меня приютили, в этой семье нашу любовь поняли, я пошёл работать. Я был счастлив просыпаться каждое утро и знать, что увижу её. А потом начал ходить во сне. Я посещал клиники и психотерапевтов. При этом я очень скучал по дому, три раза за первый месяц порывался позвонить. Потом не выдержал и приехал домой. Но там уже жили другие люди. Я искал вас, но у меня ничего не вышло. В одно прекрасное воскресенье я зашёл в любимую булочную, и продавец сказал, что какой-то парень написал ему, спрашивал про меня и даже заплатил за информацию. Я моментально понял, что это ты, Нат. Дальше моя совесть вступила в бой с моим сердцем. Очень глупо было полагать, что вы меня разлюбили, но именно такие мысли убедили меня не писать вам. Но вы нашли меня сами и вернули домой.

Вот и вся история. Конец.

Нет, я пошутил. До конца не далеко, но это ещё не он.

Вы уже знаете все наши тайны. Включая самую глупую причину уйти из дома. Если бы был такой конкурс – Крис бы в нём однозначно занял первое место. И прихватил бы приз зрительских антипатий.

Как всё разрешилось уже не интересно. Самое главное мы друг друга простили, и брат вернулся домой. Потом он, конечно, уехал за своей Анжеликой, я их не виню, но если она хотя бы не на восемь из десяти, любовь поистине зла и коварна. Мама с папой теперь часто улыбаются и смеются, родители Теи каждые выходные приезжают к нам. Гада, который подпортил жизнь Тея посадили на три года за домогательства, оказалось Тея не первая его жертва. Я больше не брожу по ночам, и Кристиан тоже. Тея поступила в техникум на повара, а я собираю документы, чтобы выучиться на журналиста. Жизнь никогда не была так прекрасна. Спустя несколько месяцев мы вновь собрались вместе, однако в нашей семье прибавилось людей – семейство Анжелики и Александра. Пришлось купить второй диван. Завершение наступает неожиданно потому что такова жизнь, мы никогда не знаем, сколько осталось терпеть что-то или чем-то наслаждаться, ведь мы всего лишь люди.

Сегодня я взял право оратора.

–Очень рад видеть вас всех. Большая семья – это прекрасно. И я написал речь по этому поводу, но слова вылетают из головы, когда видишь ваши счастливые лица. Скажу лишь,

что о моей помолвке с Теей знал мой брат. На этот раз я не оплошал и доверил ему тайну. Судя по вашим удивлённым лицам – не прогадал. Да, мы с Теей женимся. Она согласна вроде как.

Я посмотрел в её бездонные глаза, она улыбалась обычной улыбкой богини. Смех, аплодисменты, крики радости – счастье. Вот то, к чему мы пришли и теперь это не конец, это начало новой истории, которую мы пишем вместе прямо сейчас.

Принимая поздравления я думал о том, что будущее поколение взрослеет быстрее, может из-за того, что сваливается на их плечи. Возможно, что это только к нам относится.

–Ты не исправим, даже в такой момент уходишь в себя.

Но я никуда не уходил, я всё ещё здесь с тобой и чувствую реальность как никогда ясно. Она улыбалась моим мыслям в ответ. Не совпадение, я уверен. А теперь садитесь поудобнее я расскажу вам свою историю о том, как один человек за шесть дней дошёл до счастья.

–Я тут вернулся к своему старому хобби. Написал кое-что о наших приключениях. Не желаете послушать?

В ответ я услышал одновременное «да». Приятно, однако.

–Что ж, тогда слушайте.

«Утро было туманное...»